ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ВОСТОКЕ*

С.И. Лунев

В Новейшее время было два основных этапа развития политической мысли на Востоке. Видимое превосходство европейской цивилизации было наиболее очевидным в первой половине XX в., особенно в межвоенный период. Продолжавшееся расширение колониальной системы, появление анклавов капиталистических отношений и современного производства во многих странах Востока, растущее заимствование европейской техники и знаний, наконец, обучение (общее или профессиональное) многих тысяч людей по европейскому образцу во все большей степени размывало и деформировало автохтонные цивилизации. Создавалось впечатление, что страны Азии и Африки идут по тому же социально-экономическому и техническому пути, по которому движутся развитые страны. Проявления же мировоззренческих и социально-культурно-религиозных особенностей автохтонных цивилизаций рассматривались как неизбежные последствия запоздалого развития, которые со временем могут отмереть. Иными словами, события именно этого периода заставили многих ученых, публицистов и политических деятелей считать, что происходит сближение цивилизаций и размывание наиболее острых межцивилизационных противоречий. Однако при этом предполагалось, что это сближение и складывание «общечеловеческих ценностей» возможно лишь на основе европейско-христианской цивилизации. На Западе интерес к восточной традиции был крайне ограничен.

Неизбежность следования по европейскому пути осознавалась и в африканских странах. Достаточно на-

помнить о возникновении движения теософов с их учением о мировой религии, проповедях М. Ганди, сочетавших элементы различных религий, провозглашении Турции — столицы халифата — светским государством. Политология на Востоке полностью ориентировалась на западные научные школы.

В середине XX в. ситуация начинает изменяться, что связано с ростом национально-освободительного движения и его победами. Обычно в отечественной востоковедческой литературе, работах ученых и публицистов развивающихся стран и западных радикалов внимание преимущественно обращается на значение этого движения в освобождении колоний от иностранного господства или ликвидации неравноправного положения формально независимых стран. Но у этого явления есть и другая сторона — рост национализма, отчужденности и враждебности к иностранцам коренного населения. При этом для пробуждения национального самосознания использовались исторические прецеденты, преувеличивались реальные или мифические достоинства национального характера, преимущества местной религии и пр. Все эти идеи национального превосходства и отчуждения от европейских ценностей нашли достаточно четкое отражение в концепциях Ф. Фаннона и Л. Сенгора в Африке, «Братьев мусульман» на Ближнем Востоке, «Хинду махасабхи» (Великое собрание индусов) в Индии. Можно сказать, что идеи возрождения автохтонных цивилизаций и отрицания европейских ценностей возникли еще до достижения политической независимости.

Практическое же их воплощение началось после достижения независимо-

сти (в Азии — на рубеже 1940–1950-х гг., в Африке — на рубеже 1950–1960-х гг.). На место иностранного колониального чиновника приходит местная элита. Воспитанная в европейском духе, она пытается сохранить, насколько это возможно, усвоенную ею систему ценностей, манеру поведения и пр.; для нее это и защитный барьер против местных конкурентов. Но в обстановке подъема национального самосознания она вынуждена устанавливать прямые и обратные связи с основной массой населения. Вследствие этого столь долго подавляемые и размываемые проявления автохтонной цивилизации начинают прорываться наверх, оказывать влияние на власть. По мере изменения состава элиты в силу биологических причин или повышения вертикальной мобильности, пополнения ее выходцами из низших и средних слоев, выросших в условиях национального подъема и поэтому отличавшихся большей приверженностью местным традициям и обычаям, чем элита колониальных времен, влияние цивилизационных ценностей на власть возрастало.

Все эти явления довольно быстро нашли отражение в законодательстве. Лишь очень небольшому числу стран удалось сохранить нормативные институты (конституции, уголовные и гражданские кодексы, принятые после провозглашения независимости), да и то с довольно большими дополнениями и изменениями. Конституции, составленные по европейскому или американскому образцу, были заменены или переработаны в соответствии с местными реалиями, всплывшими на поверхность вскоре после обретения суверенитета. Подверглись изменениям и гражданский и уголовный кодексы, в которые стали включаться положения о поощрении традиционных форм организации, религиозного образования, традиционных форм жертвований, о наказаниях за нарушение традиционных норм и введении самими традиционных форм наказаний и пр.

Постепенно ограничивалось и влияние западной идеологии и массовой культуры: введены были ограничения на деятельность западных миссионеров и их школ, а также издательств; была установлена довольно жесткая цензура на распространение западных фильмов, телепрограмм, художественной и учебной литературы. При этом запрещалось распространение произведений, не соответствующих местным представлениям. В итоге возвращение к традиционным цивилизационным нормам закреплялось не только в сознании, но и в официальной практике.

Большая часть политологов в этих странах стремились теоретически поддерживать происходившие изменения, что было связано и с давлением власти, которая требовала от обществоведов лишь обоснования необходимости отхода от западных норм и ценностей, и с реально существовавшей обстановкой. Установление системы представительной демократии в достаточно строгом западном варианте целым рядом стран афро-азиатского мира более полувека назад было очевидным «забеганием вперед», что провоцировало неизбежный «откат». Западные теории, разработанные на материале развитых стран, плохо работали на Востоке. Изучение традиционалистских сообществ требует сочетания общетеоретических дисциплин (общих теорий) и страноведения, учитывающего региональную специфику, и, более того, анализ развития стран Азии и Африки предполагает необходимым некоторое переосмысление общих теорий. При этом гуманитарная наука на Востоке продолжала испытывать мощное воздействие Запада. В результате, при определенном сохранении традиционного знания и ценностей, восточные исследователи стали использовать «западный» категориальный и понятийный аппарат.

Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась вос-

принимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире достаточно гомоморфную модель, соответствовавшую западному прообразу. Постепенно в западном политологическом сообществе с 1960-х гг. стали появляться специалисты, предостерегавшие от применения чисто западной методологии для анализа восточных обществ. Один из ведущих американских специалистов, Л. Пай, даже сформулировал 17 специфических закономерностей «незападного» политического процесса. Среди них, например, отсутствие строгого разделения между политической сферой, с одной стороны, и общественными и личными взаимоотношениями, с другой; политические организации — скорее носители определенного мировоззрения, а не выразители политических взглядов; значительное количество различных кланов и кланов; гораздо меньшая по сравнению с Западом приверженность политических лидеров какой-либо стратегии; частое инициирование оппозицией революционного движения; слабая или вообще отсутствующая интегрированность участников политического процесса; постоянное появление новых лидеров; существенные различия в политических взглядах различных поколений; частое изменение отношения к легитимности тех или иных политических действий; слабое влияние политических дискуссий на процесс принятия решений; малое количество организованных групп интересов; доминирование лидеров харизматического типа; отсутствие стремления у политических лидеров к четкому высказыванию своих взглядов на внутривнутриполитические процессы (в отличие от международных проблем); из-

лишняя эмоциональность лиц, принимающих решения¹.

Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие, очень обширно — от индивидуализма, этой основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов. Американской цивилизации присущ наиболее четко выраженный индивидуалистский путь, хотя и его нельзя назвать «крайним» (среди американских норм и ценностей есть немало групповых и общественных). Он позволяет США обеспечивать прогресс на путях либеральной экономики и полной, в западном понимании, свободы личности, но соответствует только американскому обществу, с его исключительным историческим своеобразием. Западноевропейские государства, не говоря уже о североевропейских странах, отличает значительно меньший индивидуализм.

Континентальным странам Восточной Азии свойственен более традиционный путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Возможно, этим объясняется довольно легкое приобщение китайского общества и стран Индокитая к социалистическому опыту. Вместе с тем в 1950-е и особенно в 1960-е гг. китайские руководители выбрали модель, не соответствующую традиционным нормам. Отказ КНР от обычной эволюционности и стремление революционными радикальными действиями («Большой скачок» в 1958–1960 гг., начало «культурной революции» в 1966 г.) обеспечить прорыв страны вызвали лишь огромные потрясения, потерю людских и материальных ресурсов и замедление экономического развития. Возврат же Китая на более традиционный путь в 1980-е гг. (отказ как от радикализма, так и от слепого копирования западных политических систем; проведение определенных рыночных реформ в условиях со-

хранения контроля единого центра над основными рычагами управления страной) за три десятилетия позволил ему выйти на второе место в мире по объему экономики, исчисленной по паритету покупательной способности. При этом, безусловно, опыт КНР — не идеален. Япония и Сингапур демонстрируют гораздо более удачный пример синтеза восточного и западного. Обращает, правда, на себя внимание интересный феномен: это удалось осуществить на практике, а теория оказалась недостаточно разработанной.

Однако даже в такой азиатской стране, обычно включаемой в понятие «Запад», как Япония, трудно не заметить колоссальные отличия ее модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Не случайно американский профессор К. ван Вулфен заявил на конференции в Токио: «Мы не можем обнаружить гражданского общества в Японии... японское население не оказывает никакого воздействия на политические процессы... это — не настоящая демократия... у них нет свободного рынка»². Новые индустриальные экономики Восточной Азии, которые отстают от Севера только в количественном плане, совершили прорыв в условиях существования авторитарных режимов, с существенными элементами тоталитаризма. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее проявлялись в таких странах, как, например, Южная Корея, Индонезия и Таиланд. Только добившись значительных социально-экономических успехов, большинство стран Восточной Азии начали путь к внедрению ряда основных элементов западной демократии.

Для цивилизаций, окружающих «ядро коллективистского вектора» — российской и индийской, характерен срединный путь — развитие по широ-

кому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. Именно определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и позволила Индии установить политическую систему, которая по сравнению со странами Юга наиболее соответствует большинству западных параметров. В условиях низкого уровня социально-экономического развития в Индии не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они уже не были заложены в комплексе ценностей (так, три тысячи лет назад в Индии существовали «панчаяты», самоуправляющиеся общины, в дела которых государство практически не вмешивалось). Вместе с тем для Индии характерны и существенные отличия. Срединный путь Индии (очень существенная роль государства в экономике, значительные ограничения на деятельность предпринимателей и т.д.) позволял многим советским ученым и политическим деятелям причислять Республику к «странам социалистической ориентации», а американским президентам (политический строй) называть ее «самой большой демократией в мире». Социально-экономическое развитие Индии показывает, что и на этом пути, если он соответствует цивилизационным характеристикам общества, можно добиться существенного прогресса.

Любая попытка слепо копировать чужую модель приводит к серьезнейшим последствиям, что показывает опыт других азиатских стран. Так, в период правления Реза Пехлеви Иран был «витриной» западной модернизации. К 1979 г. Иран добился существенного прогресса по макроэкономическим показателям, но все это сопровождалось ухудшением материального положения и статуса огромного числа крестьян, рабочих и значительных слоев мелкой буржуазии, которых к тому же пытались лишить традиций в повседневной жизни; потерей социальной перспективы для средне-

го класса и «белых воротничков»; полной неустроенностью большинства молодежи. Это и предопределило победу иранской революции. Таким образом, вестернизация может приводить к краху незападные страны, если они не принимают попыток адаптировать западные модели к своим конкретным условиям и способствовать постепенной трансформации менталитета автохтонного населения (иранская модернизация не затрагивала базовую сущность местной цивилизации, а предлагала лишь новые, вестернизированные формы).

Если принять во внимание чрезвычайную внутреннюю этническую и культурную гетерогенность азиатских стран по сравнению с западными державами, то понятна особо важная роль государства и религии в данных государствах. Опыт целого ряда стран Восточной Азии свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. Конечно, чисто административная система, как показывает опыт азиатских стран, действительно менее эффективна по сравнению с рыночной. Но этот же опыт демонстрирует, что любой бизнес, в отсутствие реального контроля, будет стремиться лишь к получению максимальной прибыли, что, как правило, не отвечает интересам подавляющего большинства населения и не способствует развитию науки и высокотехнологического производства. Характерным является пример Южной Кореи, в которой военный диктатор Пак Чжон Хи заключил в тюрьму без суда и следствия крупнейших предпринимателей страны и выпустил их тогда, когда они приняли обязательства руководствоваться исключительно его указаниями по развитию производства, в том числе и технологического. Как это

ни прискорбно, но именно с этого момента началось «южнокорейское экономическое чудо», приведшее к удвоению ВВП страны за 11 лет.

Строгий учет цивилизационных особенностей и адаптация к ним западных ценностей дает возможности обеспечить всесторонний прогресс, что показало развитие восточноазиатских стран, которые добились колоссальных экономических успехов именно благодаря тому, что они отнюдь не буквально воспринимали западный путь, а переосмысливали его и приспосабливали к собственным потребностям. Подобное же поведение характерно и для азиатских гигантов — Китая, Индии и Японии. Для Китая на определенных этапах истории было свойственно стремление к самоизоляции и достаточно презрительное отношение к окружающему миру, но представляется, что в настоящий момент, после всех уроков XX в., этот культурологический пласт не оказывает серьезного воздействия. Соответственно, и в Индии колониальный период «растворил» ощущение своего превосходства и восприятие других как «млечча» (варваров). Сейчас индусы и китайцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта. Япония, как островная цивилизация, с самого начала демонстрировала способность воспринимать чужой опыт, соотнося его с традиционными ценностями. В Средние века Запад мог предложить Японии лишь христианство, что привело к принятию той решения о прекращении контактов. В середине XIX в. демонстрация экономического, технического и военного превосходства европейских держав немедленно вызвали стремление заимствовать новую технику, а для ее успешного использования менять законодательство и создавать соответствующие организационные структуры, а главное — готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Все это было реализовано благодаря революции Мэйдзи.

Сокрушительное поражение во Второй мировой войне повлекло за собой уже готовность изменить политическую систему и на практике использовать западные политические теории, адаптированные к условиям Японии.

Неспособность к заимствованиям в целом демонстрирует Ближний Восток и Тропическая Африка. Наиболее перспективные молодые исследователи эмигрируют из региона. Более того, его покинули и самые прославленные арабские политологи. Среди восточных исследователей наибольшей известностью пользуются, видимо, Эдвард Саид и Самир Амин. Автор 22 монографий, палестинец Э. Саид (1935–2003) с 1950-х гг. проживал в США. Его наиболее знаменитая работа «Ориентализм» (1978) буквально взорвала западное сообщество, поскольку впервые четко и логично было доказано, что западная наука воспринимала Восток как «Другого», причем трактовала его образ в уничижительном плане (сейчас термин «ориенталист» воспринимается на Западе в том же негативном ключе, как и слово «империалист»). Египтянин Самир Амин, признанный лидер неомарксистской научной школы и антиглобалистского течения, с 1960-х гг. проживает в Сенегале.

Ислам, выступающий не только как религия, но и как идеология, в арабском регионе оказался не способен выработать основ государственного устройства, сопоставимых с западными нормами, и здесь, по существу, отсутствуют основы для строительства гражданского общества. Арабская интеллектуальная элита, идентифицирующая в целом свои страны по западному образцу, пришла к неутешительному выводу о «нелиберальной» демократии: демократизация арабских стран по западному варианту приводит к тому, что на выборах к власти приходят исламисты. Не случайно властям и армии нередко приходится разгонять законно выбранные новые правительства (обращает на себя внимание, что подоб-

ная ситуация характерна и для некоторых других неарабских мусульманских стран, даже для такого светского государства Среднего Востока, как Турция).

В Тропической Африке ситуация сложилась еще более неудовлетворительная. Ни одна страна не вошла в первую сотню стран по индексу развития человеческого капитала. Обращает на себя внимание регресс, который характерен даже для лидеров региона. Полной неудачей окончились попытки внедрения буржуазно-демократических теорий и марксизма-ленинизма, хотя в некоторых странах были предприняты усилия по их определенной адаптации к африканским условиям. По всей видимости, для Тропической Африки необходимо создание совершенно новых теоретических концепций, соответствующих менталитету местного населения.

В восточной политологии появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада биполярной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации, сильную клановую систему, дисциплину и пови-

новение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но четко показать ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция выполняла в Сингапуре модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя менталитет населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959–1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинение авторитету группы, трудолюбие, семью, сбережения и образования. Интересно отметить, что, наряду с «отцом сингапурского экономического чуда», основными теоретиками данной концепции стали представители высшей бюрократии страны, получившие европейское образование: дипломат, обучавшийся в Гарвардском и Кембриджском университетах Томми Кох, бывший посол в США Чан Хенг Чи, получившая степень магистра в Корнельском университете, и бывший посол в ООН Кишори Махбубани, почетный доктор наук университета Дальхузи, одного из ведущих учебных центров Канады, где он в свое время стал магистром философии. Первоначально — в 1980-е гг. — концепция развивалась в духе конфуцианских ценностей: полноценное развитие образования, набор на государственную службу лучших студентов (как это практиковалось в императорском Китае), меритократический подход (выдвижение

на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев), бережливость и напряженная работа, почтительность к старшим, патриархальное общество, социальный контракт между доброжелательными правителями и уважительными подданными (вариант «мандата Неба»). Определенное беспокойство властей Сингапура по поводу реакции мусульманской, индусской, буддийской и даосской общин на распространение конфуцианских норм заставило несколько переосмыслить концепцию, которая получила название «азиатских ценностей».

Томми Кох перечислил их 10 основных составляющих: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы. Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией.

Концепция «азиатских ценностей» получила широкое распространение в Восточной Азии. Особую роль в продвижении данной теории сыграл премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад (1981–2003 гг.), способствовавший превращению Малайзии в современное государство с развитой экономикой, одно из самых передовых государств исламского мира. В его работах находит отражение отрицание западной и советской систем, апеллирование к традиционным нормам мусульманского и восточного общества, признание необходимости мо-

дернизации и инкорпорирования различных западных ценностей (в том числе и роли знания, хотя и полагает этот параметр наследием раннего мусульманского периода). Он известен и как критик исламского фундаментализма, и как сторонник точки зрения, что современная глобальная борьба с терроризмом является войной с исламом. Его характеристика «азиатских ценностей» весьма близка к взглядам его сингапурских коллег: ориентация на коллективизм и семью; уважение к власти; иерархично выстроенное общество; патерналистское, нелиберальное и сильное государство.

Данная концепция обрела множество поклонников в Китайской Народной Республике, в том числе и на самом верху, которые неявно, но настойчиво, используют ее для оправдания специфики развития КНР в области демократии и соблюдения прав человека. При этом наблюдается стремление соединить традиционные принципы и социалистическую систему (конфуцианство оказывало существенное воздействие еще на первого лидера КНР Мао Цзэдуна).

Можно согласиться с Фр. Фукуямой, что традиционные азиатские культуры начинают с четвертого (культура) и третьего уровней (гражданское общество) и продвигаются вверх — ко второму (институты) и первому (идеология) уровням, а современная западная политическая мысль старается идти сверху вниз. Поэтому наличие институтов для традиционного Востока менее значимо, чем сохранение укоренившегося морального кодекса.

Среди противников идеи азиатских ценностей в Восточной Азии следует упомянуть, в первую очередь, политических деятелей, ориентирующихся на западное сообщество: Далай-ламу, бывший президент Тайваня Ли Дэнхуэй, лидер оппозиции Мьянмы Аун Сан Су Чи, бывший заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим и другие.

Западные исследователи, как правило, отрицают значимость данной концепции. Так, американские специалисты Б. Бузан и Г. Сигал пишут: «Азиатские ценности неотличимы от викторианских (сильная семья, сильное государство, сильный национализм), что просто подчеркивает то обстоятельство, что всех сферах — от индустриализации до демократизации — восточные азиаты находятся еще далеко позади» — и добавляют, что «мир развивается в сторону цивилизации западного типа»³. Представляется, что это — сильное упрощение. Если брать роль семьи, то достаточно отметить, что в хинди, например, существуют десятки названий различных родственников, тогда как в английском — лишь несколько (русский язык находится по этому показателю в середине). Более того, как отмечалось, есть фундаментальный разделительный принцип — приоритетность групповых или личных интересов.

Поскольку Запад в целом не желает признавать возможность отхода от его идеальной модели, то подобное развитие было воплощено в практике, но не нашло достойного отражения в теории.

К сожалению, в западной политической науке практически отсутствует стремление отказаться от европоцентристского (американоцентристского) взгляда на происходящие события и искать новую «миросистемную» парадигму. Возьмем для примера господствующую догму о глобальном процессе якобы неизбежной демократизации, которую рьяно отстаивают американские обществоведы, поскольку это полностью соответствует задачам и целям внешнеполитического курса США. Действительно, практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам. Однако на глубинном уровне в очень многих регионах нет сходства по существу с тем, что принято считать едиными базовыми нормами западной демократии. По-

добная ситуация ведет к потере четких ориентиров и у западного сообщества, нередко затрудняющегося определить, какие страны и регионы Юга в реальности соответствуют представлениям о демократии. Эта проблема решается крайне не просто: западные политики и ученые объявляют страны «демократическими» и «идущими к демократии» либо «недемократическими» и «тоталитарными» в зависимости от соответствия их парастратегии интересам западного сообщества. При этом в развитых странах произошел фактический отказ от использования исторического метода.

Правда, существуют и альтернативные точки зрения. Их сторонники выпустили в 2000 г. своего рода манифест — работу «История мир-системы: социальная наука долгосрочных изменений». По их мнению, европоцентристский анализ игнорирует существование мировой системы до наступления европейской гегемонии, что не позволяет дать адекватный анализ нынешней системе и прогнозировать дальнейшее развитие. Авторы предлагают переходить на «человекоцентризм» и даже «экоцентризм». Для них «золотой век» Запада — явление временное и, возможно, преходящее. Они резко критикуют магистральный путь западной науки (включая марксизм), в рамках которого существуют три основные идеи: 1) мировая система зародилась в Европе; 2) «подъем» Запада связан с исключительностью Европы; 3) европейцы инкорпорировали остальной мир в свою «современную капиталистическую мир-систему» после 1500 г. По их мнению, следует принять различия Запада и Востока и признать наличие общей истории, которая развивается на основе длинных циклов, и общего будущего. Исследователи также отвергают примат анализа на индивидуальном уровне. В рамках данных представлений существуют разные подходы: постоянное развитие единой мировой системы (А.Г. Франк и Б.К. Гиллс), суще-

ствование нескольких мировых систем и их сравнительный анализ (К. Чейз-Данн и Т. Холл), центральная мировая система, засасывающая периферию, при восприятии мировых систем как цивилизаций (Д. Уилкинсон) и «эволюционирующая» мировая система, в которой функции мирового лидерства осуществляют последовательно сменяющие друг друга государства (Дж. Моделски и У. Томпсон).

Можно отметить, что данная концепция очень близка восточной традиции, многим школам которой имманентно присуща идея о мире, в котором все элементы связаны в единую структуру и оказывают друг на друга взаимное воздействие. Можно вспомнить о традиционном принципе дальневосточной философии «одно во всем и все в одном», в крайнем форме проявившемся в дзэн-буддизме. Положения о взаимозависимости и взаимообусловленности свойственны и даосизму и буддизму⁴. Цикличность развития — один из постулатов индуизма, буддизма и даосизма⁵, для которых, правда, характерна большая линейность, чем современным исследователям.

К сожалению, подобные взгляды не находятся в «мейнстриме» западной политической науки. Как правило, западные обществоведы либо не пытаются предложить новые модели развития стран Востока и принять их цивилизационные отличия от европейской модели, либо разрабатывают концепции (как С. Хантингтон), опираясь на строчки Р. Киплинга «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...». Мы практически не видим в политической науке стремления создать синтез концептов «индивидуалистического» Запада и «коллективистского» Востока.

Целый ряд западных политологов замечают определенную деградацию развитых стран на уровне культуры (роль семьи, религия, моральные ценности и т.д.), при сохранении этих норм на Вос-

токе, что во многом связано с крайностями индивидуалистического пути. Однако пути решения возникающих проблем они ищут не в азиатском опыте.

Так, в американской социальной теории с 1990-х гг. вокруг концепций А. Этциони активно развивается такое направление, как коммунитаризм (термин, активно используемый в теории «азиатских ценностей»). Однако его сторонники, недовольные излишним развитием индивидуалистического либерализма, базируются на трудах Аристотеля, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Д. Белла, католической философии. При наличии определенных общих составляющих (укрепление моральных ценностей, понимание определенной ограниченности индивидуальных прав, культивирование сообществ, восстановление роли семьи, достижение морального консенсуса) теория коммунитаризма отвергает вмешательство центральной власти в дела местной, а местной власти — в дела семьи и противостоит традиционалистскому авторитаризму.

Первый массовый всплеск интереса Запада к восточной традиции произошел на рубеже 1960–1970-х гг., когда там был брошен активный вызов традиционным либеральным ценностям и потребительской модели общества (кульминацией стали молодежные выступления 1968 г., которые И. Валлерстайн называет «революцией»). Резко вырос интерес к традиционным «восточным учениям» периода Древности и Средневековья. Правда, в первую очередь использовалась внешняя форма (категории, принципы и понятия), а глубинная сущность восточной традиции была мало востребована.

К концу 1980-х гг. позиции западных диссидентов резко ослабли, и основным течением вновь стал либерализм, точнее, неолиберализм и неоконсерватизм, представители которых отвергают какое-либо значение восточной традиции, даже ее внешних форм. Вместе с тем восточ-

ная философия остается востребованным продуктом, когда берется восточная форма, которую заполняют западным содержанием. Так, активно используется работа «Искусство войны» Сунь-цзы, написанная в V в. до н.э. На базе 36 стратегем древнекитайского полководца и основоположника «школы военной философии» во многих бизнес-школах Запада проводится обучение стратегии ведения бизнеса, менеджменту и маркетингу. Иногда складывается впечатление, что ряд восточных традиций все-таки используется Западом на практике, однако американские и европейские политологи не готовы в целом признать это открыто.

Часть западного мира видит резервы восточной культуры в обуздании современного экологического нигилизма. Экологическое движение, оформившееся в 1960–1970-х гг., активно использует восточный принцип «у вэй» (другое написание — «ву-вэй»⁶), что означает недеяние, или не-действие, или «вэй-у-вэй» (деяние через недеяние), провозглашенный еще Лао-цзы, которого китайская традиция именует основателем даоизма (хотя даоизм оформился через полтысячи лет).

Принцип «у-вэй» означает невмешательство в протекание естественного хода событий и природного процесса, отказ от активности индивида в противовес космическим силам, а не просто о каком-либо праздном бездействии. Таким образом, он полностью противостоит западной норме преобразующего деяния. Даосский принцип⁷ распространяется почти на все основные параметры деятельности человека (конфуцианская традиция полагает, что он действует только в отношении личности императора). Существует и такое его восприятие, как создание идеальной модели, в дела которых нет необходимости вмешиваться.

Если сторонников внедрения принципа «у-вэй» в политической и социальной сфере практически нет, то он активно используется не только восточными

учениями (йога, система медитации, боевые искусства, дзэн), но и экологической этикой⁸. Его наиболее радикальное направление предлагает человечеству отказаться от господства над природой. В 1985 г. Дж. Сеженс и Б. Деволл выдвинули экологическое предписание «Ничего не делай!». Б. Калликотт, один из наиболее авторитетных сторонников новой этики, провозглашает необходимость экоцентризма и отказа от антропоцентризма и полагает, что идеи экоцентризма заложены в принципе «у-вэй», а также в индусской философии (отождествление Брахмана и Атмана, объективного и субъективного начала, Бога и индивидуума⁹) и дзэн-буддизме (принцип единства познаваемого объекта и познающего субъекта). Новая этика предполагает адаптацию человека к природной среде, их имманентно присущую взаимообусловленность, признание человечеством своей ответственности перед природой и отказ от ее целенаправленного преобразования.

Появление такой дисциплины, как экологическая этика, свидетельствует о том, что на Западе начинается осознание существования экосистемного кризиса в мире, а экологические проблемы могут быть окончательно сняты лишь в глобальном масштабе: в границах национальной территории, да и в рамках континента, их нельзя решить. За последнее время произошел перенос в развивающиеся страны «грязных» производств (а также трудоемких и энергоемких) на основе деятельности ТНК либо долгосрочной контракции продукции местных предприятий. На Западе происходит сокращение физического производства (окончательное становление постиндустриального мира может произойти лишь при наличии индустриальной периферии). Если, образно говоря, раньше мы делили мир на «город» (Север) и «деревню» (Юг), то теперь его надо делить на «офис и лабораторию» (Север), «город» (Восточная и Южная Азия, Ла-

тинская Америка) и «деревню». Перенос грязных производств из США и Европы в «город» не привел к решению экологических проблем в зоне развитых государств. В Европе резко улучшилось качество воды и почвы, но климатические катаклизмы случаются все чаще.

Любопытно отметить, что наука развитых стран призывает к воплощению в жизнь тех традиционных норм Востока, от которых там уже отказались. Индустриальный путь, по которому идут Китай и Индия, приводит к жесточайшему нарушению экологического баланса. Более того, в азиатских странах экологические кризисы случались еще в древности. Вырубка лесов началась в Индии и Северном Китае еще в 3 тысячелетии до н.э. (данная причина и засоление почвы привели к гибели древнейшую индийскую цивилизацию Мохенджо-Даро и Хараппа, а Китай столкнулся с серьезными экологическими проблемами в V в. до н.э.).

Сейчас в наиболее быстро развивающихся странах Востока все пропитано аурой динамики, тогда как Западную Европу накрыла статика и застой. Правда, данное обстоятельство может способствовать тому, что принцип «недеяния» укоренится уже на европейской почве, если разработки западных сторонников экологической этики получат всеобщее признание.

Определенный интерес политическая наука Запада проявляет к этике ненасилия, разработанной, прежде всего, в рамках индуизма и буддизма. В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь, с индуизмом. Такие основополагающие понятия, как *карма* (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рождениях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и *дхарма* (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на

общество или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой ли жизни или в предыдущих. Особое значение для Индии всегда играл и принцип «ахимсы» (непричинение зла), впервые упомянутый еще в одной из ранних, «главных» упанишадах — Чхандогья-упанишаде. Он предполагает не только запрет на убийства, но и отвергает причинение какого-либо вреда действием или словом. Ахимса является первым предписанием для джайнов (которые распространяют его действие и на растения) и буддистов. Данный принцип лежал и в основе мировоззрения Махатмы Ганди.

В отечественной науке среди разработчиков идеи о резервах восточных традиций в формировании новой политической философии следует особо выделить В.С. Степина и А.С. Панарина. Соглашаясь друг с другом в том, что потенциал восточных учений очень значителен и рассматривая те же ее основные принципы (в первую очередь, «у-вэй» и ненасилие), они расходятся в плане оценки способности западной теории осознать необходимость включения восточной традиции в качестве составной части общей теории. По мнению академика РАН В.С. Степина, эвристический потенциал западной культуры очень велик, и она способна найти новые ценности и использовать в этом процессе восточный духовный опыт. Он полагает, что они будут представлять особый синтез западной и восточной традиции, не сводясь ни к одной, ни к другой, что и приведет к реализации популярной сейчас концепции «диалога цивилизаций». А.С. Панарин считал, что Запад не способен на какую-либо адаптацию чужих идей, и «безответственный экономический человек» — последняя модель западной теории и практики.

Таким образом, современная политическая мысль и практика Востока мало востребована на Западе. Ряд исследователей проявляют большой интерес к восточной традиции и стремятся к воплощению в современную жизнь целого ряда норм восточных учений. Парадокс ситуации заключается в том, что современное общество Востока как раз отходит от этих своих традиционных принципов.

Можно предположить, что именно российское обществоведение способно сейчас к проведению наиболее фундаментальных исследований по созданию полноценной теории синтеза Запада и Не-Запада. Для наших ученых прошел период определенной самоизоляции и достаточно скептического отношения к немарксистским теориям. Крах социалистической системы и Советского Союза «растворил» ощущение превосходства марксистско-ленинской теории, и сейчас отечественные ученые с готовностью воспринимают необходимость использования лучших образцов западной мысли. В то же время складывается впечатление, что уже прошел период и комплекса неполноценности, и российские специалисты (в своем большинстве) уже не воспринимают американоцентричный взгляд на мир, его историю и его будущее. Россия оказалась «более сдвинутой» в Азию, чем СССР, хотя бы с геополитической точки зрения, что диктует важность разработки теории синтеза. Одновременно здесь появилось поколение, которое не только глубоко понимает азиатские проблемы, но и хорошо знакомо с западными теориями, что дает возможность подобной разработки, и не под давлением новых политических и идеологических установок, а на основе объективности и научности.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-03-00099а.

¹ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–86. [Paj L. Nezapadnyj politicheskij protsess // Politicheskaja nauka. 2003. 2. P. 66–86.]

- ² The Vitality of Japan. Sources of National Strength and Weakness / Ed. by Clesse A., Inoguchi T., Keehn E. B. and Stockwin J. A. A. London New York: "Macmillan Press LTD", "St. Martin's Press, Inc.", 1997. P. 406.
- ³ Buzan B., Segal G. Forget "The West Versus the Rest" Welcome to the Westernistic Era. New Delhi: RGICS Working Paper Series. 1999. No 3. P. 1, 11.
- ⁴ Так, махаянские тексты содержат принцип: «Когда одно противопоставляется всем остальным, оно воспринимается как нечто пронизывающее их всех до одного и в то же время содержащее их всех».
- ⁵ Космические циклы — цзэ (китайский язык), кальпа (санскрит).
- ⁶ Такое написание используют исследователи, который дают перевод не с китайского языка, а с английского, где китайский иероглиф 無 транслитерируется как «wú».
- ⁷ Лао-цзы говорил: «Действуй недеянием — и не будет того, что не управлялось бы тобой» — и «Мудрец действует недеянием и учит молчанием» («Дао дэ цзин»).
- ⁸ Экологическая этика — область исследований, предметом которой является выработка нравственных основ отношения к природе в процессе ее использования.
- ⁹ «И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты одно с Тем» («Чхандогья-упнишада»).